

высшими, восьми и т. п., которые пустылись в погоню за разбойниками. Последние, спасаясь от преследователей, стали давать залпы из винтовок. Выстрелами было убито Антона Третьяка и тяжело ранен Вильгельм Кривенко. Продолжал отстреливаться, разбойники успели скрыться. Из розыску разбойников приняты энергичные меры.

„Московский салон“.

Под громким названием „Московский салон“ в Москве сгруппировалось новое общество художников, устроившее свою первую выставку в обширном помещении офицерского экономического общества на Воздвиженск. Чтобы, открывая свою первую выставку, дать московской публике сразу определенное представление о своих задачах, „Московский салон“ снабдил свой первый каталог „введением“, первая фраза которого гласит: „Терпимость всех вранов в искусство—девятая общества—, „Московский салон“. Дальше: „Должны быть допущены широкое обобщение в группировку работ, чтобы представленная картина современного творчества показана бы наглядно, рядом подборок, достоинства и недостатки представленных течений. Ошибка, конечно, неизбежна, но даже приблизительное разграничение этой задачи не может быть безразлично, и в каждом, кому дорого искусство, есть потребность выяснить те „идеи“, к которым стремится то или иное направление в живописи“.

Принимая во внимание все прогрессирующее, в данную минуту, дробление художественной среды на кружки, группы, вердикое увеличение выставок 2—3 художников, затруднительность для многих вообще выставить свои вещи помимо того, что они не подходят к тому или другому отряду жизни той или другой выставки, можно только с радостью приветствовать образование „Салона“. Его задача заключается в задаче „Союза“ в смысле его образования. Но теперь „Союз“ превратился уже в товарищество художников с именем, на его выставку молодежь художников, талант которого еще не выработался, внести почти невозможно. А для молодых художников участие на выставках всеобщее необходимо: там их опыты подвергаются свободной критике, там возможно прямое сравнение и, наконец, там можно продать вещь, что при ограниченных средствах огромного большинства молодых художников имеет существенное значение. Наконец, на такой выставке, где тенденциозный подбор не создает у посетителя такого же тенденциозного представления, гораздо рельефнее выступают индивидуальность художника, и мы склонны даже думать, что стремиться во что-бы то ни стало группировать вещи по их направлению представляется известною опасностью (хотя нельзя отрицать різность сопоставления живописи Верещагина и Мусатова и, скажем, гг. Машкова и Канчаловского).

Итак, основной девиз „Салона“ безусловно симпатичен. Но нельзя выполнить задуманное: без жюри пропускать вещи на выставку нельзя—получится перегруженность ее продуктами нежелательного дилеттанства. А образовать жюри безпартийное еще труднее. Настоящая выставка показала, что, во-первых, ее жюри особенно строго, так как на выставке много таких ничтожных рисунков и набросков, которым место не на выставке, а мажорнуть в альбомы, и что, во-вторых, огромное большинство членов общества и экспонентов являются заядлыми модернистами.

Прежде чем приступить к обзору выставки, мы должны указать на досадную небрежность отношения ее устроителей к номерам предметов. Немало картин так и названий их, и авторы остаются неизвестными. Но на выставках есть и двойные номера: так есть два 252 номера—эскиз г. Константинова „Я понесли хоронить“ и чай-то пейзаж; номер 306 (с литерой!) обозначены многочисленные не-модернистские работы г. Куряева, и под № 306 висит модернистская сцена в парижской г. Дарилова. Правда, в каталоге есть 306а, 306б, 306в, и т. д. и просто 306, но такое объединение ведь одним номером двух совершенно не сходных художников неудобно. Есть два 312 номера—портрет г. Лентулова и чай-то пейзаж, а № 399 принадлежат у графики, к которой в каталоге вообще относятся номера 234. Некоторые номера так открыты посетителю, что можно было утверждать, что рассмотреть их нельзя. В результате значительная часть экспонатов превращена в анонимы, что едва ли целесообразно. За этим, хотя и весьма существенным упущением, выставка устроена беднее: огромное количество вещей размещено хорошо, а прекрасное изображение и его приличная меліровка одиозно отбрасывают общему впечатлению.

Все художники с именем уже приспаялись, так сказать, к тому или другому обществу, на выставках которого они и показывают свои вещи. Поэтому на выставках „Салона“ мы во встретили много художников, с вещами которых говорить, на предмет творчества которых следит все интересующееся искусством. Конечно, с некоторыми из элементов „Салона“ мы встретились на других выставках, но во общем „Салон“—выставка малоизвестных вещей малоизвестных художников. Ну, а так как малозначительность объясняется большей частью молодостью (а с молодостью нормально сопряжена и неурядкость) или малым дарованием, то в средней уровень экспонатов „Салона“ приходится признать весьма невысоким.

Кажется нам уже сказано, подавляющее большинство экспонатов выставки относится к продуктам увлечения различными модернистскими течениями, главным образом теми из них, которое стремится выискивать живую форму от рисунка, краску от формы. И здесь мы встречаемся с постоянно повторяющимся явлением: какой-нибудь наивный европейский модернист отличается своеобразностью манеры. Эту манеру иронизируют, ее остроу еще увеличивают и в результате... шарриатура. А когда эта шарриатура еще вышла из-под кисти просто не талантливый человек, с грубыми неразвитыми выюмом, то получается нечто для непредубежденного зрителя просто безобразное. Напрямик, на выставку много работ г. Канчаловского, между которыми большая декоративная лавна. Да чего все это грубо и безвкусно! И главное, при всей неострой и яркой красочности писем, г. Канчаловский не разбирается в задачах живописи.

Далось это не работа художника, а просто красочное недоразумение. А в той-же компании помещено пять вещей г. Михайловского. И здесь все внимание художника обращено на краски, но это не случайное сопоставление пятен, отрицающее логику и дисциплину вкуса, а результат даровитой фантазии, которую ищущая мысль направляет по известному пути. Может быть путь и неправильный и приведет в тупик, но чувствуются и вкус, и дарование. Из вещей г. Михайловского выделяются: „Престынка“, где и рисунок хорош, и „Nature morte“. Здесь же висят эксперименты г. Машкова, который видимо побил рекорды в смысле умений пустить все цвета радуги туда, где их никакой нормальный глаз не может найти. Его восемь „Натурщиц“ до того умерительно несты, до того, при взгляде на них, далека мысль о серьезном искусстве, что невозможно улыбается самый сдержанный критик. А между тем г. Машков, видимо, что-то преследует, к чему-то стремится, но едва-ли такой путь приведет к чему-либо: можно искать на человеческом теле не один, а сотни отблжков тонов, но когда эти тона усиливаются до грубой несты, то получается уже абсурд. Трехцветная фотография нас наглядно учит, что все воспринимаемые нами тона получаются не из сложных только чистых основных цветов, но и от постоянно примешивающихся к ним и смягчающих их безцветных черных пятен. С этими необходимыми должны считаться художники, отвергнувшие пуантилизм и перешедшие к большим красочным пятнам.

И. Кочетов.

За рубежом.

Вь припадк безумия.

В Шинсгейм, близ Саарбрюкена, жена горнорабочего Фриче в припадк острого умопомешательства удушила своих 5 детей, а затем перерезала каждому горло и по томъ сама приняла сильный яд.

Трамвай, насочивший на роту солдат.

В Берлине электрический трамвай на всем ходу насочил на роту гвардейского пехотного полка, причем офицер, двое унтер-офицеров и трое нижних чинов получили тяжкия раны, а 8 нижних чинов—более легкия повреждения.

Катастрофа от „шутихи“.

В Арборф, близ Берна, в склад бенгальских огней и ракет, одна из покупателей вздумала, с согласия владельца, испробовать так называемую „шутиху“ и зажечь ее. „Шутиха“, в общем совершенно безвредная, полала из ящиков с ракетами и другими взрывчатыми пиротехническими „фигурами“. Последовал сильный взрыв, потолок склада был разбит, а квартиранты второго этажа рухнули в загроможденный склад. В результате посыл роковой „шутихи“ 14 человек оказались тяжело ранеными и обожженными настолько, что 7 человек из них к вечеру скончались. Убытки очень значительны.

Судебная вѣсти.

1.

Предстоящие крупные процессы.

На 11 марта в особом присутствии Московской Судебной Палаты назначено слушанию делу о бывшем секретаре московского градоначальника надв. сов. Яковлева, но обвинению его в алиментах.

На 14 того-же марта при закрытых дверях назначено слушание политического дела „союза издателей социалстов-революционеров“. Обвиняемых по этому делу 12 человек.

2.

Дело о причинении тяжких повреждений.

25 февраля по II уголовном отделении московского Окружного Суда рассматривалось дело о кр. Екатерине Неждановой, с сыном Степаном и дочерью Анной, по мужу Лебедевой, и муже последней Николаем Лебедевым, но обвинению их в нанесении кр. Марковой тяжких побоев и истязаний, от которых последовала смерть.

Восемь лет тому назад проживавший в Вешняках, на даче Самохвалова, дворником Матай Нежданов сошелся с жидией у кого-то из дачников кухаркой Клавдией Марковой, и с тех пор связь эту продолжала до самой смерти Марковой.

Жена Нежданова, Екатерина, жила у него на родине с детьми в доме свекра и хотя и имела мужа два раза по три, по четыре в год, но ввиду того, что Маркова на большей части жила на мѣстах, Нежданову удавалось устраивать так, что жена и свидетельница не встречались. Это оказалось необходимым потому, что Маркова была женщина несдержанная, озарная и на руки держала.

Жена Нежданова с Марковой хотя и не встречались, но, в комм-конвой, о связи этой узнала от старших детей Степана и Анны, живших в усадьбе в Москве, которые, бывая у отца, встречались с Марковой, и веда с нею знакомство, заключали из нея. Когда же дочь Нежданова, Анна, вышла замуж за полковника Лебедева, то и она познакомилась с Клавдией Марковой.

17 января прошлого года Маркова по обыкновению пришла к Нежданову в Вешняки; она сидела за самоваром, когда к Нежданову пришла его мать и дочь с мужем. Нежданов пригласил их к чаю, и они тут-же сказали, что вместе с ними пришла и мать, но что она, узнав, что у него сидит Маркова, войти не пожелала. Нежданов это принял за шутку, а Маркову это взбѣсило, и когда она, угощая своих гостей, велела ей на закусу изларить свиномы, она жарить ее хоту и начала, но не удержалась и попрекнула гостей, что они пришли сюда, чтобы нежить. Запас воды у Нежданова оказался невелик, и сын, тогда отцу 40 лет, попросил его принести еще бутылку водки.

Нежданов ушел, но так как было уже поздно, то водки он нигде не достал и, вернувшись домой, нашел в своей сторожке одну Маркову, которая валялась на полу вся избитая, окровавленная и, кроме того, с ног до головы ошпаренная кипятком.

Нежданов тотчас-же доставил ее в больницу, где, при яв сознание, она, хотя и с трудом, объяснила, что как только Нежданов ушел за водкой, а она, жюри свинину, повернулась лицом к печки. Лебедев сзади ударил ее по голове и сшиб с ног. В это-же время в сторожке вошла жена Нежданова, и они все четверо начали колотить ее кулаками и ногами, а Екатерина Нежданова, кроме того, била ее и пальном. Эльтом они сорвали с нея платье и башмаки, с мясом вырвали из ушей серги, а когда она лишилась чувств, Екатерина Нежданова взяла кипящий самовар и облила ее с головы до ног. От этих повреждений Маркова на одиннадцатый день умерла.

Привлеченные за это к уголовному ответственности, Неждановы не отрицали того, что во время перебранки с Марковой они ее избили, и только Лебедев уверял, что он выбил из Марковой, как только Степан Маркову ударил. Екатерина-же Нежданова не отрицала того, что облила в порыв злости Маркову из самовара. Вердиктом присяжных заседателей обвиняемые оправданы.